НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ

УДК 338.28

JEL E6, O3

DOI: 10.17213/2312-6469-2020-1-5-20

СТРАТЕГИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ: УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ¹

© Ю.В. Вертакова*, В.А. Плотников** 2020

* *Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия*

** *Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
г. Санкт-Петербург, Россия*

Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Россия

Стимулирование инновационного развития – одна из ключевых проблем современной государственной экономической политики. Реализация соответствующей стратегии ориентирована на трансформацию модели национальной экономики посредством формирования в ее составе инновационного сектора и обеспечения его опережающего роста. Инновации тесно связаны с реализуемой моделью экономического роста, способствуя интенсификации последнего. В то же время, в статье показано, что не меньшую значимость имеет политический мотив стимулирования инновационной активности. В статье рассмотрены подходы к стимулированию инновационного развития в различных странах. Выполнен углубленный анализ результатов реализации Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. На основе изучения фактических данных установлено, что выполнение этой стратегии сорвано, на что повлиял комплекс как объективных, так и субъективных обстоятельств. Выявлен главный фактор, повлиявший на недостижение целевых индикаторов Стратегии. Это – неэффективное управление. Вскрыты причины его неэффективности и даны рекомендации по совершенствованию управления процессами инновационного развития российской экономики.

Ключевые слова: инновационное развитие, инновации, стратегическое управление, государственная политика, национальная экономика.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ по государственной поддержке ведущих научных школ РФ НШ-2702.2020.6 «Концептуальные основы новой парадигмы экономического развития в эпоху технологической и социальной трансформации».

STRATEGY OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF RUSSIA: MANAGEMENT PROBLEMS OF IMPLEMENTATION

© Yu.V. Vertakov*, V.A. Plotnikov** 2020

**Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

***St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia,
Southwest State University, Kursk, Russia*

Stimulating innovative development is one of the key problems of modern state economic policy. The implementation of the innovation strategy is focused on the transformation of the model of the national economy through the formation of its innovation sector and ensuring its rapid growth. Innovations are closely related to the implemented model of economic growth, contributing to the intensification of the latter. At the same time, the article shows that the political motive for stimulating innovative activity is no less important. The article considers approaches to stimulating innovative development in various countries. An in-depth analysis of the results of the implementation of the Strategy for Innovative Development of the Russian Federation for the period up to 2020 is carried out. Based on the study of evidence, it was established that the implementation of this strategy was disrupted, which was influenced by a complex of both objective and subjective circumstances. The main factor that influenced the failure to achieve the target indicators of the Strategy is identified. This is an ineffective management. The reasons for its inefficiency are revealed. Recommendations are given on the excellence of managing the processes of innovative development of the Russian economy.

Keywords: *innovative development, innovation, strategic management, public policy, national economy.*

Введение

Инновационное развитие, как принято считать в современной экономической науке, является одним из драйверов экономического роста. В этой связи, проблематике инноваций и управления ими посвящено значительное число публикаций как отечественных [1-7 и др.], так и зарубежных [8-13 и др.] авторов. Неоднократно обращались к этой теме ранее и авторы данной статьи [14-17 и др.].

Фундаментальная сущность инноваций, в их связи с феноменом экономического роста, состоит в том, что их разработка и внедрение позволяют преодолеть ресурсные ограничения, присущие экономике в каждый конкретный период ее развития. То есть, по сути, именно инновации являются источником экономического роста интенсивного типа, который достигается за счет увеличения отдачи от имеющихся ресурсов, как за счет повышения их качества, так и за счет изобретения новых способов их использования.

Из приведенных рассуждений о связи интенсивного экономического роста и инноваций вытекает очевидный вывод: если в стране реализуется

модель преимущественно экстенсивного роста, то востребованность инновационного поведения среди её хозяйственных агентов может оказаться незначительной. То есть, значительные объемы не вовлеченных в хозяйственный оборот ресурсов являются естественным препятствием для инновационного развития. И этому явлению не следует давать негативной эмоциональной оценки (авторы в целом с осторожностью относятся к эмоциональным оценкам экономическим явлений и процессов, предпочитая рационалистический подход к их трактовке) в силу его естественности.

В условиях экономической модели, предполагающей самостоятельность хозяйственных агентов при принятии решений, а также приоритет рационалистического критерия выгоды трансакций, они выбирают те стратегии поведения, которые предполагают большую прибыльность и меньшие риски. То есть, в богатой ресурсами экономике слабая инновационность является естественным её свойством, которое может быть преодолено лишь за счет некоторого внешнего по отношению к хозяйственным агентам вмешательства (например, со стороны государства).

И это государственное вмешательство, как показывает опыт многих стран, может оказаться весьма успешным, стимулируя трансформацию экономических моделей поведения в направлении роста их инновационности. Но для этого требуется логичное и непротиворечивое целеполагание со стороны государства, создание системы стимулов инновационного поведения хозяйственных агентов, а также системность и последовательность в достижении поставленных целей, их адекватное ресурсное обеспечение. Если эти условия не выполняются, успешность «инновационного разворота» экономики может оказаться проблематичной.

Целью данной статьи является анализ процессов инновационного развития Российской Федерации в последние годы, результатов реализуемой в этой сфере государственной политики, а также разработка рекомендаций по повышению ее результативности.

Материалы и методы

При проведении исследования анализировались положения «Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р (далее – Стратегия), а также данные официальной статистики, представленной в свободном доступе на интернет-сайте Росстата (www.gks.ru). Также использовался массив аналитических и теоретических результатов, касающихся инновационного развития России, представленных в научных публикациях, официальных материалах органов власти, деловых СМИ, разработках международных организаций (Всемирный банк, Международный валютный фонд и др.).

Для обработки вышеуказанных материалов использовались стандартные методы научного анализа: ретроспективный, институциональный, сравнительный, структурно-функциональный и др., а также методы аналогий,

экспертных оценок, управленческой диагностики, графического моделирования.

Результаты и их обсуждение

В Российской Федерации официально признается необходимость ускорения и всемерного стимулирования инновационного развития, что обусловлено пониманием долгосрочной слабости сформированной к настоящему времени модели развития, основанной, преимущественно на использовании потенциала ресурсных отраслей. Сама по себе такая модель, при рассмотрении ее в «закрытом» режиме функционирования не так уж и плоха. Как мы отмечали выше, при наличии значительных объемов, не вовлеченных в хозяйственный оборот ресурсов неразумно их не использовать.

Как известно, ресурсно-ориентированные экономики имеют многие нефтегазодобывающие страны, извлекающие значительные доходы от экспорта углеводородов, что позволяет им занимать лидирующие позиции в мире по уровню благосостояния. Так, по итогам 2018 года, по данным как Всемирного банка, так и Международного валютного фонда, первое место в мире по показателю ВВП на душу населения (исчисленного по паритету покупательной способности) занимал Катар, кроме него в топ-10 стран мира по этому показателю входят Бруней, Кувейт, Норвегия, Объединенные арабские эмираты. (Заметим, что Россия в указанном рейтинге занимает, по его версиям, составленным указанными международными финансовыми институтами, 56-е и 50-е место, соответственно.)

Если бы наращивание ресурсного сектора в экономике было невыгодным (как это порой представляют в научных и общественно-политических публикациях), то наиболее развитые страны мира избегали бы инвестиций в его развитие, сосредоточившись на инновационном секторе. Однако, например, американский опыт показывает, что это не так.

По оценкам Управления энергетической информации Минэнерго США (источник: <https://neftegaz.ru/news/dobycha/481608-eia-ssha-lidiruyut-po-dobyche-nefti-i-prirodnogo-gaza-v-mire-s-rekordnym-rostom-v-2018-g>), в 2011 году США превзошли Россию, став крупнейшим в мире производителем природного газа, и в 2018 году – Саудовскую Аравию, став ведущим производителем нефти в мире. Добыча сырой нефти в США в 2018 г. увеличилось на 17%, осушенного природного газа – на 12%. Рост продолжился и в 2019 году (за этот год еще нет статистики).

В то же время, преобладание ресурсного сектора в национальной экономике требует серьезной её интеграции в мировое хозяйство, что, в случае кризисов в его развитии (в том числе вызванных политическими причинами), порождает существенные риски её устойчивости. Для упомянутых выше США, по нашему мнению, такого рода внешние риски, в силу диверсифицированности национальной экономики, а также значительного внешне-политического влияния в мире, незначительны.

Но этого нельзя сказать о России, что было подтверждено в очередной раз в период после 2014 г., когда между нашей страной и рядом стран «коллективного Запада» началось санкционное противостояние, негативно сказавшееся на темпах экономического роста. Таким образом, можно сделать вывод, что потребность в инновационном развитии в России имеется, но связана она не столько с экономическим мотивом исчерпания ресурсов и ужесточением ресурсных ограничений развития, сколько с политическими факторами: необходимостью защиты суверенитета и обеспечения устойчивости социально-экономической системы в условиях ужесточения геополитического противоборства в мире.

Поясним этот тезис. Предложение нефти, газа, металлов, древесины, зерна и т.д. на мировом рынке достаточно диверсифицировано. Поэтому, в случае возникновения межгосударственных проблем, география межстрановых поставок может быть сравнительно легко изменена. Это подтверждается результатами продовольственного эмбарго, введенного Россией против стран ЕС и ряда других государств в 2014 г. как ответная мера на антиросийские секторальные санкции. Импортные поставки в страну были довольно быстро переориентированы на дружественные или нейтральные государства. А агропромышленный комплекс ряда европейских стран (в частности, Польши, стран Балтии и др.), вследствие сворачивания ориентированного на Россию сбыта, испытал кризис.

Иная ситуация складывается с инновационными продуктами. До того момента, как в своем жизненном цикле инновация пройдет через стадию диффузии и превратится в традиционный (неинновационный) продукт, она не является общераспространенной. Следовательно, производитель инновационного продукта обладает монопольной властью, в силу уникальности этого продукта. Мало того, это монопольное положение (позволяющее, как известно из положений современной экономической теории, манипулировать рынком) находит и правовое закрепление через институциональные механизмы защиты прав интеллектуальной собственности.

Таким образом, наличие собственных инновационных продуктов позволяет иметь стране на международных рынках более сильную переговорную позицию, оказывая на конкурентов неэкономическое давление. И, напротив, сильная зависимость от импорта инноваций снижает экономический суверенитет страны, ослабляет национальную экономическую (а также технологическую) безопасность.

Мотивы, вытекающие из вышеприведенных рассуждений, по нашему мнению, были движущей силой инновационного развития Китая. Если на начальных этапах рыночно-ориентированного развития этой страны основной упор делался на ресурсный сектор (только базирующийся, в отличие от российского не на изобильных природных ресурсах, но на многочисленной и довольно дешевой рабочей силе), то постепенно, за счет реализации целе-

направленной государственной инновационной политики, Китай стал мощной высокотехнологичной державой. В итоге, амбиции правящих кругов страны, связанные с ростом политического влияния страны в регионе и мире, подкрепляются не только возможностями большой по размеру экономики, но и развитого высокотехнологичного сектора.

На рис. 1 приведены графики динамики китайского валового национального дохода (ВНД) на душу населения, исчисленного в текущих международных долларах США, по паритету покупательной способности, с 1990 по 2018 гг. (левая ось), а также объема высокотехнологичного экспорта страны, исчисленного в текущих рыночных ценах в долларах США, с 2007 по 2017 гг. (правая ось).

Видно, что по мере роста экономики и повышения благосостояния населения, пропорционально возрастал и высокотехнологичный экспорт, являющийся следствием активного инновационного развития национальной экономики. Коэффициент корреляции двух рассмотренных показателей (за период 2007-2017 гг.) составил 0,88.

На высокотехнологичные товары в структуре китайского экспорта приходится более четверти. Какова ситуация с развитием инноваций в России? Ее иллюстрирует табл. 1, в которой приведены основные показатели, характеризующие инновационную деятельность в целом, в том числе долю высокотехнологичных товаров и услуг в российском экспорте.

Рис. 1. Показатели ВНД и высокотехнологичного экспорта Китая

Примечание: Построено авторами по данным Всемирного банка, приведенным в базе индикаторов развития (<https://databank.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD/1ff4a498/Popular-Indicators#>).

Таблица 1

Показатели инновационной деятельности в России, %

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
1. Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг	4,8	6,3	8,0	9,2	8,7	8,4	8,5	7,2	6,5
2. Удельный вес затрат на технологические инновации в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг	1,6	2,2	2,5	2,9	2,9	2,6	2,5	2,4	2,1
3. Удельный вес организаций, осуществивших инновации, в общем числе обследованных организаций. В том числе:									
3.1. Организационные	3,2	3,3	3,0	2,9	2,8	2,7	2,4	2,3	2,1
3.2. Маркетинговые	2,2	2,3	1,9	1,9	1,7	1,8	1,4	1,4	1,3
3.3. Экологические	4,7	5,7	2,7	1,5	1,6	1,6	н.д.	1,1	н.д.
4. Доля высокотехнологичного экспорта в общем экспорте	1,2	1,0	1,3	1,6	1,9	2,9	н.д.	н.д.	н.д.

Источники: поз. 1, 2, 3 – данные Росстата, доступные на его Интернет-сайте; поз. 4 – расчеты авторов по данным Всемирного банка.

Очевидно, что уровень инновационной активности российской экономики крайне невысок. При этом не наблюдается убедительной положительной динамики характеризующих его показателей. Очевидно, что такое положение является диссонирующим с декларируемым властями стремлением к формированию инновационной модели экономики в стране. В частности, как указано в Стратегии, которая «опирается на результаты всесторонней оценки инновационного потенциала и долгосрочного научно-технологического прогноза», она «призвана ответить на стоящие перед Россией вызовы и угрозы в сфере инновационного развития, определить цели, приоритеты и

инструменты государственной инновационной политики... Стратегия задает долгосрочные ориентиры развития субъектам инновационной деятельности, а также ориентиры финансирования сектора фундаментальной и прикладной науки и поддержки коммерциализации разработок».

Обратимся к анализу целевых индикаторов реализации Стратегии, которые задавали ориентиры инновационного развития страны до наступившего уже 2020 года, которые приведены в приложении 3 рассматриваемого документа. Всего в документе приведены 45 индикаторов, объединенных в 8 групп: «формирование компетенций инновационной деятельности», «инновационный бизнес», «эффективная наука», «инновационное государство», «инфраструктура инноваций», «участие в мировой инновационной системе», «территории инноваций», «финансовое обеспечение». Содержательное изучение указанных индикаторов приводит к выводу, что лишь одна группа – «инновационный бизнес» – непосредственно связана с формированием инновационной экономики. Остальные (не менее важные) индикаторы связаны с выполнением мероприятий, создающих благоприятные условия для инновационного развития экономики.

Ключевым, по нашему мнению, индикатором рассматриваемой группы является «валовая добавленная стоимость инновационного сектора», измеряемая как процент от ВВП. К 2020 году была поставлена цель – достичь значения этого показателя 17%. Если бы это удалось сделать, то в российской экономике был бы сформирован мощный инновационный сектор. К сожалению, узнать – достигнут ли этот индикатор – не получится. И причина этого тривиальна. Как поясняет по этому поводу Росстат, «системой национальных счетов не предусмотрена группировка "инновационный сектор"». Эту ситуацию сложно прокомментировать с использованием научной терминологии. Как, впрочем, сложно назвать проработанным стратегический документ, оперирующий несуществующими показателями.

Рассмотрим иные индикаторы. Данные по показателю «коэффициент изобретательской активности (число отечественных патентных заявок на изобретения, поданных в России, в расчете на 10 тыс. чел. населения)» приведены на рис. 2, по показателю «доля организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем количестве организаций» – на рис. 3, по показателю «интенсивность затрат на технологические инновации организаций промышленного производства (доля затрат на технологические инновации в общем объеме затрат на производство отгруженных товаров, выполненных работ, услуг организаций промышленного производства)» – на рис. 4, по показателю «доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг организаций промышленного производства» – на рис. 5.

Рис. 2. Коэффициент изобретательской активности в России

Примечание: Построено авторами по данным Стратегии (плановые значения) и Росстата (фактические значения).

Рис. 3. Доля организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем количестве организаций в России, %

Примечание: Построено авторами по данным Стратегии (плановые значения) и Росстата (фактические значения).

Рис. 4. Доля затрат на технологические инновации в общем объеме затрат на производство отгруженных товаров, выполненных работ, услуг организаций промышленного производства, %

Примечание: Построено авторами по данным Стратегии (плановые значения) и Росстата (фактические значения).

Рис. 5. Доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг организаций промышленного производства, %

Примечание: Построено авторами по данным Стратегии (плановые значения) и Росстата (фактические значения).

Из представленных рисунков видно, что по рассмотренным индикаторам стратегические цели не достигаются. По другим индикаторам Стратегии, входящим в блок «инновационный бизнес», ситуация аналогичная. Мы не стали проводить по ним графические построения, дабы не увеличивать объем статьи. То есть, можно сделать вывод, что реализация стратегии сорвана.

Между тем, на ее реализацию были затрачены значительные ресурсы, но уровень основных индикаторов существенно не изменился, по мнению авторов, они были бы примерно такими же и без всякого управления со стороны государства.

Что послужило причиной такого положения? Интересно в связи с этим рассмотреть выводы, полученные в исследовании, проведенном коллективом авторов НИФИ [18, с. 167]: «Сравнив слабые стороны российских институтов развития с зарубежными аналогами [в тексте идет речь в том числе и об институтах инновационного развития – *прим. авторов*], уместно определить причины отставания целевого достижения стратегий функционирования российских институтов развития: ослабленная экономическая ответственность вследствие обеспечения финансовыми ресурсами без гарантий правовой и иной защиты; современная цикличность экономического развития соответствует степени депрессии (дна) в финансовом секторе экономики; неразвитость системы кредитования».

Мы отчасти солидарны с этими выводами, они совпадают с теми умозаключениями, к которым мы пришли по результатам собственного исследования. По сути, причины провала реализации Стратегии имеют объективный и субъективный характер. Рассмотрим каждую из этих групп. Объективные причины обусловлены непредсказуемой динамикой экономических, политических, социальных и других процессов. Это – неуправляемые факторы, которые могут оказать (и оказали) негативное влияние на реализацию Стратегии. Субъективные причины связаны с неэффективным государственным управлением, что логично и закономерно привело к провалу в реализации стратегии.

При этом и объективные обстоятельства (например, антироссийские секторальные санкции, связанные с ограничением экспорта в Россию инновационных технологий, используемых в нефтегазовом секторе, введенные с 2014 года) существенно усилились фактором субъективным – неэффективностью управления. Заметим, что влияние санкций, безусловно, является существенным, причем в санкциях «самое больное место – это технологии... И главной проблемой станет как раз самостоятельный поиск технологических решений и проблема импортозамещения... Мы совершенно точно столкнемся с торможением шельфовых проектов» [19, с. 73].

Санкционные эффекты проявились в 2014-2015 гг., Стратегия была рассчитана до 2020 года. По ней готовились ежегодные доклады (п. 4. Распоряжения Правительства РФ от 08.12.2011 г. № 2227-р устанавливает:

«Минэкономразвития России совместно с Минобрнауки России и заинтересованными органами исполнительной власти представлять в Правительство Российской Федерации начиная с 2012 года ежегодно, в I квартале года, следующего за отчетным, доклад о ходе реализации мероприятий Стратегии»). Ситуация со срывом реализации Стратегии была известна. Исходя из принципов и подходов, принятых в современном стратегическом и операционном менеджменте, описанная ситуация не является уникальной и необычной. И способы работы в этих условиях хорошо известны.

Во-первых, требовался пересмотр документа, его уточнение и корректировка. В противном случае отчеты о реализации Стратегии превращаются в пустую формальность (на соблюдение которой затрачиваются, заметим, значительные бюджетные ресурсы). Предложения о корректировке стратегии выдвигались, в частности, в отчете о ее реализации, подготовленном в 2015 г., было указано: «В ходе проведения глубинных интервью значительная часть экспертов ... высказалась за целесообразность актуализации Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года при одновременном сохранении основного вектора и концепции документа. Респонденты отметили, что, возможно, имеет смысл пересмотреть как состав ключевых индикаторов, так и их показатели. Кроме того, 70% экспертов высказались за конкретизацию и более глубокую проработку документа с учетом уже имеющегося опыта его использования и изменившихся внешних условий. Наконец, подавляющее число респондентов выступает за ревизию и изменение набора инструментов, предусмотренных для реализации Стратегии, а также обращает внимание на необходимость уточнить приоритеты инновационного развития, определяемые Стратегией... Лишь 8% опрошенных экспертов считают, что текущая версия Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года не требует корректировки» [20, с. 102]. Но эти очевидные рекомендации не были приняты во внимание.

Во-вторых, неэффективные и не приводящие к желаемому результату мероприятия продолжали выполняться на протяжении многих лет, а деньги налогоплательщиков – расходоваться впустую. То есть не соблюдался один из основных принципов менеджмента – наличие обратной связи. Управленческое воздействие и расходование ресурсов происходили в плановом режиме, как будто никакой информации о трудностях в реализации Стратегии не поступало. Заметим, кстати, что ежегодных докладов о реализации Стратегии за все годы в открытом доступе авторам статьи обнаружить не удалось. Это укрепляет нас в мнении, что у лиц, ответственных за реализацию данного стратегического документа, картина его невыполнения имела, но эти факты скрывались от общественности. Такое поведение управленцев может быть охарактеризовано, по крайней мере, как неэтичное. Эти должностные лица, по сути, «изображали» управленческую деятельность, хотя

по факту ею не занимались, продолжая расходовать (в том числе на себя – получая незаслуженное вознаграждение) бюджетные средства.

В-третьих, контрольные мероприятия всегда должны сопровождаться не только выявлением факта степени соответствия плана и факта, но также объяснением сложившегося положения, разработкой корректирующих мер (см. выше), в том числе принятием решений относительно поощрения или наказания сотрудников и руководителей, ответственных за получение тех или иных результатов. К сожалению, в рассматриваемой сфере наблюдается «отсутствие правового режима ответственности ... за результаты неэффективной деятельности, которые должны использоваться в качестве основания для его [речь идет об институте инновационного развития – прим. авторов] ликвидации или как минимум прекращения бюджетного финансирования... Отсутствие ... системы показателей эффективности ... а также их плановых значений, достижение или недостижение которых должно быть в обязательном порядке связано с системой вознаграждения / депремирования персонала (в особенности высшего звена)» [18, с. 169]. Говоря иначе – при реализации Стратегии был нарушен принцип персональной ответственности менеджера, что с очевидностью всегда и везде приводит к недостижению стратегических целей.

Заключение

Инновационное развитие в современных условиях является мощным драйвером экономического роста, т.к. разработка и внедрение инноваций позволяют преодолеть присущие экономике ресурсные ограничения, сформировать импульс роста интенсивного типа. Помимо этого, повышение инновационности экономики является способом укрепления национальной экономической безопасности за счет снижения её технологической зависимости от инноваций зарубежной разработки и производства. Учитывая важность инноваций для страны, в этой сфере требуется активное государственное регулирование, направленное на достижение стратегических целей, связанных с изменением пропорций между традиционным и инновационным секторами экономики.

Инструментом такого рода регулирования в России является «Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р), в которой обозначены основные цели инновационного развития экономики страны и индикаторы их достижения. Одним из важных факторов, обуславливающих необходимость ускорения инновационного развития в России, является «структурная утяжеленность» её экономики, кроме того, без решения задач инновационного развития невозможно обеспечить реальный экономический суверенитет России, претендующей на восстановление своей геополитической роли ведущей мировой державы.

Анализ показал, что, несмотря на предпринимавшиеся в рамках реализации Стратегии меры, уровень инновационной активности российской

экономики остается невысоким. При этом, не наблюдается убедительной положительной динамики характеризующих его показателей. По включенным в Стратегию индикаторам стратегические цели не достигаются. То есть, можно сделать обоснованный вывод, что реализация Стратегии сорвана. Между тем, на ее реализацию были затрачены значительные ресурсы.

Причины провала реализации Стратегии имеют объективный и субъективный характер. Объективные причины обусловлены непредсказуемой динамикой экономических, политических, социальных и других процессов. Это – неуправляемые факторы, которые могут оказать (и оказали) негативное влияние на реализацию Стратегии. Субъективные причины связаны с неэффективным государственным управлением. При этом, объективные обстоятельства существенно усилились фактором субъективным – неэффективностью управления. Основные причины этого, которые следует учесть в дальнейшем, следующие:

- отсутствие обратной связи при реализации Стратегии. Несмотря на ежегодный анализ хода ее выполнения и наличие предпосылок к срыву, уточнение и корректировка Стратегии, вопреки принятым в стратегическом менеджменте подходам, не осуществлялись;

- отсутствие связи между результатами реализации Стратегии (в том числе промежуточными) и объемами её ресурсного обеспечения. В рассматриваемой области контуры исполнительский и ресурсный действовали несогласованно, в отсутствие какой бы то ни было координации, что неизбежно привело к неэффективным расходам;

- отсутствие какой бы то ни было ответственности должностных лиц и органов управления за неэффективную деятельность. Система поощрения или наказания сотрудников и руководителей, ответственных за получение тех или иных стратегических результатов, не была выстроена. Это логично привело к размыванию ответственности и неэффективной деятельности; при реализации Стратегии был нарушен принцип персональной ответственности менеджера, что с очевидностью всегда и везде приводит к недостижению стратегических целей.

Кроме того, когда речь идет о публичном стратегическом управлении, то одним из его принципов является информационная открытость (кроме специфических случаев, например, когда речь идет об оборонных программах). Но и этот принцип был нарушен, что не позволило своевременно принимать корректирующие меры по ходу реализации Стратегии.

По мнению авторов, выявленные управленческие проблемы реализации стратегии инновационного развития России должны быть учтены в дальнейшей деятельности по стимулированию и государственному регулированию инновационной активности в российской экономике.

Литература

1. Иброхимов И.Р. Регулирование рынка инноваций в условиях открытой экономики: опыт Республики Таджикистан / Иброхимов И.Р., Никитина Т.В., Фейгин Г.Ф. // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2016. № 5 (101). – С. 18-25.
2. Иванова Э.А. Использование и внедрение инноваций на рынке молочной продукции в Хабаровском крае (на примере лидирующих предприятий отрасли) / Иванова Э.А., Золотова Я.В. // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2016. № 1 (27). – С. 51-54.
3. Казанцева А.Н. Особенности развития рынка экологически чистой продукции и внедрения экологически ориентированных инноваций в странах Европейского Союза / Казанцева А.Н. // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2017. Т. 7. № 1 (22). – С. 236-244.
4. Курбанов А.Х. Процесс внедрения технических инноваций на предприятиях оборонно-промышленного комплекса / А.Х. Курбанов, Р.Л. Кашеев, Д.А. Киселев // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2016. № 3 (29). – С. 34-38.
5. Полянин А.В. Реализация концептуальной модели региональной инновационной системы / Полянин А.В., Докукина И.А. // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2013. № 4. – С. 40-44.
6. Управление инновациями – 2019: материалы международной научно-практической конференции / под ред. Р.М. Нижегородцева, Н.П. Горидько; Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН; Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова. – Новочеркасск, 2019.
7. Черенков В.И. Дилемма глобальной диффузии инноваций и осуществимость всеобщего устойчивого развития / В.И. Черенков, Е.В. Цой // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 5-1 (119). – С. 15-23.
8. Edler J. Innovation policy: What, why, and how / J. Edler, J. Fagerberg // Oxford Review of Economic Policy. 2017. Vol. 33 (1). P. 2-23.
9. Frenz M. Globalization and Technology: Interdependence, Innovation Systems and Industrial Policy / M. Frenz // Research Policy. 2005. Vol. 34 (6). P. 978-980.
10. Gault F. Defining and measuring innovation in all sectors of the economy / F. Gault // Research Policy. 2018. Vol. 47 (3). P. 617-622.
11. Schot J.W. Three frames for innovation policy: R&D, systems of innovation and transformative change / J.W. Schot, E. Steinmueller // Research Policy. 2018. Vol. 47 (9). P. 1554-1567.
12. Silvestre B.S. Innovations for sustainable development: Moving toward a sustainable future / B.S. Silvestre, D.M. Țîrcă // Journal of Cleaner Production. 2019. Vol. 208. P. 325-332.
13. Trunfio M. Drivers and emerging innovations in knowledge-based destinations: Towards a research agenda / M. Trunfio, S. Campana // Journal of Destination Marketing & Management. 2019. Vol. 14. Art. 100370.
14. Вертакова Ю.В. Управление воспроизводственным процессом региона на основе гармонической пропорции / Ю.В. Вертакова, В.А. Плотников // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2010. № 5. – С. 89-93.
15. Плотников В.А. Управление национальной инновационной системой России: кадровый аспект / В.А. Плотников // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2010. № 3 (63). – С. 42-53.
16. Положенцева Ю.С. МАкроэкономические условия формирования инновационной среды региона / Ю.С. Положенцева, М.Г. Клевцова, Ю.В. Вертакова // Управленческое консультирование. 2014. № 10 (70). – С. 60-67.

17. Vertakova Yu. Innovative and industrial development: specifics of interrelation / Yu. Vertakova, V. Plotnikov // Економічний часопис-XXI. 2016. № 1-2 (156). – С. 37-40.
18. Оценка эффективности деятельности российских и зарубежных институтов развития: научный доклад / под ред. И.Н. Рыковой. – М.: Научно-исследовательский финансовый институт, 2016. – 204 с.
19. Российский нефтегаз под санкциями: основные угрозы для отрасли: экспертно-аналитический доклад. – М.: Фонд национальной энергетической безопасности, 2015, март. – 73 с.
20. Россия: курс на инновации. Открытый экспертно-аналитический отчет о ходе реализации «Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года». Выпуск III / ОАО «РВК» при содействии Министерства экономического развития РФ. – М., 2015. – 172 с.

Поступила в редакцию

13.01.2020

Вертакова Юлия Владимировна – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва; директор Курского филиала, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Россия.

Vertakova Yulia V. – Doctor of Economics, Professor; Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow; Director of the Kursk Branch, Southwest State University, Head of the Department of Regional Economics and Management, Kursk, Russia.

Плотников Владимир Александрович – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург; профессор кафедры региональной экономики и менеджмента, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Россия.

Plotnikov Vladimir Al. – Doctor of Economics, Professor, Department of General Economic Theory and History of Economic Thought, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg; Professor, Department of Regional Economics and Management, Southwest State University, Kursk, Russia.

Россия, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21
21, str. Sadovaya, St. Petersburg, 191023, Russia
e-mail: vertakova7@yandex.ru
e-mail: plotnikov_2000@mail.ru